

Вскоре после этого Кадзума Арааки поступил в академию, где познакомился с Дзинпэем Мацудой и Кэндзи Хагиварой.

Сам Кадзума этого не замечал, но рядом с ними он действительно расслаблялся. Взгляд со стороны позволял разглядеть то, на что он сам когда-то закрывал глаза. Например, угловатую, но искреннюю дружбу Мацуды. Или поразительную чуткость Хагивары: за его маской беспечного повесы скрывался острый ум, подмечавший малейшие перемены в настроении — то, чего частенько не видели даже взрослые.

Время от времени, когда подкрадывался час ложиться спать, А-Эр, прижимая к груди книжку, тайком пробирался к комнате Кадзумы и скребся в дверь, выпрашивая сказку на ночь. Кадзума, которого приходилось выуживать из-под кровати, ничуть не сердился. Он послушно усаживался рядом и монотонно, слово за словом, читал:

—... И жили они долго и счастливо.

Заметив, как запнулся Кадзума, А-Эр быстро задвигал пальцами, спрашивая на языке жестов:

— Что-то не так?

— Нет, — Кадзума на мгновение задумался. — Я просто подумал... Неужели после финала они и вправду жили счастливо? Счастье ведь штука мимолетная. Если хочешь уберечь его, то в самый счастливый миг героев нужно убить. Прямо там, в конце сказки. Только так они останутся счастливыми навечно.

«Ах, да», — мысленно вздохнул А-Эр. Он уже и забыть успел, насколько нечеловеческой была логика Кадзумы в те годы.

— А если честно, — Кадзума повернулся к нему с улыбкой, столь безупречной и чарующей, что невозможно было отвести взгляд, но веяло от нее первобытной, невинной жестокостью. — Будет лучше, если все просто умрут.

В его чистых, прозрачных малиновых глазах не было и следа человеческих чувств.

... Честно говоря, наблюдать за собственными детскими заскоками со стороны было тем еще испытанием. А-Эра накрыла волна такого густого, липкого стыда, что хоть пальцами ног замок в полу выковыривай.

Но винить себя прошлого не получалось. В тот период он только-только унаследовал характер своей предыдущей жизни. Из-за векового одиночества он казался доверчивым дурачком, но внутри оставался беспросветно холодным и эгоистичным.

Именно поэтому он должен был многому научить самого себя.

—... Значит, ты думаешь, что и мне лучше умереть? — тихо спросил А-Эр.

Кадзума опешил.

—... Нет, — пробормотал он.

А-Эр мягко улыбнулся:

— Я знаю. Но если ты умрешь, мне будет очень больно. Пожалуйста, не говори больше, что всеобщая смерть — лучший выход. Если не станет тебя, папы или мамы, мое сердце разобьется. Я ведь правда расплачусь, так и знай!

—... Хорошо. Прости, — понурился Кадзума.

А-Эр взял его за руку:

— А если умру я? Тебе будет грустно?

Кадзума колебался, но врать не стал:

— Наверное, нет.

— Что ж, этого следовало ожидать.

Когда Харуку засыпят землей, «ты» на ее похоронах с искренним недоумением спросишь у Дзинпэя Мацуды, почему тот плачет. Обезумевший от горя и злости друг едва не ударит тебя, но вместо этого сожмет в отчаянных, удушающих объятиях.

В грядущие годы «ты» то и дело будешь вспоминать блеск глаз Харуки.

И лишь годы спустя, вернувшись в эту точку времени, «ты» — то есть я — наконец осознаешь: то щемящее чувство, когда пришло понимание, что она больше никогда не вернется, и было настоящей, глубокой скорбью.

А-Эр прижал к себе прошлую версию себя. Он бережно баюкал этого ребенка, словно неразумное дитя, только-только пришедшее в мир, и ласково гладил по мягким волосам:

— Все хорошо. Рано или поздно ты все поймешь.

Эти слова прозвучали одновременно и как тихое благословение, и как неизбежное проклятие.

А потом настал тот самый роковой день. Кадзума спросил, не хочет ли А-Эр пройтись, и тот молча кивнул.

Две-три прогулки в день уже стали их нерушимым ритуалом.

Кадзума делал поразительные успехи в изучении языка жестов, так что они вполне сносно понимали друг друга. Помня наказ матери, Кадзума всегда дублировал жесты голосом — чтобы А-Эр не привыкал к абсолютной тишине и не терялся, когда к нему обращаются другие.

Они шли по улице, увлеченно переговариваясь на своем безмолвном языке. Пару раз к ним пыталась пристать соседская шпана, привлеченная странными движениями рук, но стоило задирам разглядеть ангельское лицо Кадзумы, как они заливались краской, начинали заикаться и поспешно ретировались.

Даже если на их пути попадались мутные личности, польстившиеся на редкую красоту мальчика, его чудовищной физической силы с лихвой хватало, чтобы отправить любого наглеца в полет до ближайшей стены.

Они шли рука об руку. Заходящее солнце растягивало их тени по асфальту, окрашивая улицы в багровые тона. А-Эр незаметно погрузился в свои мысли.

Когда-то он потратил уйму времени, безуспешно пытаясь отыскать убийцу Харуки, но теперь в его душе зрела догадка.

Это был штрафной раунд. Чтобы не нарушить ход истории, «прошлое» должно оставаться неизменным. А значит, Харука Арааки обязана умереть именно сегодня.

А-Эр мысленно обратился к Системе:

«Когда я сам был Кадзумой, Харука погибла по этой же причине? Разве прошлое предопределено? Если бы Кадзума тогда спас сестру, мне бы сейчас не пришлось здесь умирать?»

— Ты сотрясаешь воздух бессмысленными гипотезами. Причинно-следственная связь уже замкнулась, — отозвался Кьюбей, устроившись на его плече. Он выглядел точь-в-точь как тот пресловутый пушистый маскот из аниме про девочек-волшебниц, вот только нутро у него было гнилым.

А-Эр рассудил, что Система права. Раз уж все зашло так далеко, искать виноватых в истоках бессмысленно. С его привычкой жить сегодняшним днем он легко отпустил эту мысль.

— Что случилось? — спросил Кадзума. Заметив, что сестра слишком долго молчит, он встревожился — обычно Харука не отличалась такой тишиной.

Он держал ее за руку с предельной осторожностью, боясь ненароком сжать пальцы слишком сильно и переломать хрупкие кости.

А-Эр мотнул головой и быстро показал жестами:

— Просто думаю, чем закончится сегодняшняя серия.

Они оба обожали устраиваться перед телевизором и залипать на дешевые, абсурдные мыльные оперы. Иногда родители пытались составить им компанию, но обычно быстро сдавались, шокированные нелепостью сюжета. Впрочем, видя искренний восторг детей, ругать их не стали, лишь мягко напоминали не путать выдумку с реальностью.

Стоило заговорить об этом, как сонливость Кадзумы как рукой сняло. С горящими глазами он отпустил руку А-Эра и принялся увлеченно жестикулировать, обсуждая вчерашнюю серию — зубодробительную драму, где герои любили друг друга в формате какого-то немыслимого многоугольника.

Тут А-Эр вдруг вспомнил: когда Кадзума только появился в их доме, он и знать не знал про подобные сериалы. Но поскольку мальчик хвостиком ходил за ним, а сам А-Эр поглощал эти сюжеты с неослабевающим интересом, Кадзума тоже постепенно втянулся.

... Но его вины тут ведь нет, правда?

Вспомнив, с какими сложными лицами Мацуда и Хагивара расспрашивали его на днях, какую именно чушь смотрит Кадзума, А-Эр малодушно отвел взгляд.

Да! Никакой вины! В конце концов, Кадзума — это он сам. А значит, любовь к дешевым драмам была предрешена судьбой. Именно!

«Твоя способность оправдывать собственную глупость воистину восхищает», — язвительно заметила Система.

«Восхищаешься? Тогда пади ниц и помалкивай!»

«Будет исполнено, о великий господин».

Пока А-Эр препирался с Системой, а Кадзума увлеченно живописал сюжетные перипетии, тишину вечера разорвал сухой, хлесткий звук.

Выстрел.

Толпа мгновенно превратилась в обезумевшее стадо. Улицу затопила волна паники: крики, визги, топот сотен ног.

Кадзума среагировал мгновенно, рванувшись к А-Эру и хватая его за руку. Но извечный страх причинить боль сестре сыграл с ним злую шутку — в критический момент он не решился сжать пальцы крепче.

Людской поток, охваченный ужасом перед невидимой угрозой, смял их, закружил и потащил в разные стороны. За считанные секунды они потеряли друг друга из виду.

А-Эр, знавший сценарий наперед, панике не поддался.

Ловко лавируя между мечущимися прохожими, он юркнул в узкий, неприметный переулок. С его нынешним хрупким телом оставаться на главной улице было равносильно самоубийству — толпа просто растоптала бы его.

Но у судьбы на этот вечер были свои планы.

В глубине тупика, прислонившись к кирпичной стене, стоял беловолосый мальчишка. Его взгляд, холодный, бдительный и сочащийся чистой, незамутненной жадой убийства, мгновенно пригвоздил А-Эра к месту.

«Чертова игра... Вечно она подсовывает сюжетные повороты в самый неподходящий момент», — мысленно выругался А-Эр.

«У тебя просто удача на нуле», — хладнокровно парировала Система.

В глазах Джина, когда он разглядел незваного гостя, промелькнула тень удивления — едва заметная, но А-Эр ее уловил. Впрочем, сам он удивился куда сильнее.

Его поразило не столько появление будущего лучшего киллера Организации в этом богом забытом переулке, сколько его реакция. Джин явно знал, кто перед ним. Знал Харуку.

Но с какой стати? Маленькая девочка из приличной семьи с чистейшей биографией никак не могла пересекаться с криминальным миром.

Если только...

Конечно. Единственной ниточкой, связывающей их, был Кадзума Арааки.

Вывод напрашивался сам собой: Джин давно выследил своего сбежавшего из Черной

организации брата и досконально изучил его новую семью.

По какой-то причине он не стал возвращать Кадзуму. Или пытался, но так, чтобы никто не заметил.

И раз уж все это время он держался в тени, его сегодняшнее присутствие вряд ли было связано с ними. Скорее всего, Джин оказался здесь по делам Организации. Выстрелы на улице наверняка были частью очередного устранения.

Вероятно, Джин прибыл на задание в составе группы и случайно наткнулся на А-Эра, мирно прогуливавшегося под ручку с Кадзумой.

Пока А-Эр судорожно просчитывал варианты, Джин буравил его ледяным взглядом, словно решая, стоит ли тратить на девчонку патрон.

Внутри у парня наверняка все кипело от ярости. Джин всегда считал брата своей собственностью, личной вещью. А когда кто-то смеет посягать на твое имущество, нарушителя положено уничтожить. Без жалости и сомнений.

Как бы то ни было, нужно было выгрызть шанс на выживание. А-Эр никогда не умел читать мысли этого чудовища и понятия не имел, как умерить его кровожадный пыл. Помедлив, он решился озвучить единственный вопрос:

— Почему ты не пойдешь к брату?

Джин не ответил. Давление его ауры возросло, став почти осязаемым; в темно-зеленых глазах, напоминавших болотную жижу, закружились мрачные тени.

От этого первобытного ужаса хрупкое тело Харуки мелко задрожало. «Похоже, я наступил на мину», — обреченно подумал А-Эр. Тем не менее ему удалось сохранить внешнее самообладание, совершенно не свойственное ребенку. Он открыто встретил чужой взгляд своими чистыми изумрудными глазами, так похожими на глаза собеседника, но еще не утратившими живого блеска.

Джин презрительно усмехнулся:

— Откуда тебе знать, девчонка?

— Ну... интуиция? — А-Эр умело разыграл детскую непосредственность. — К тому же у тебя и у брата очень редкий цвет волос. Они немного отличаются, если приглядеться, но мне показалось, что вы родственники.

Не выдавать же ему горькую правду о том, что он — это Кадзума из будущего.

— Слишком умные долго не живут, — процедил Джин.

Его тихий голос змеей скользнул по коже, заставляя волосы на затылке встать дыбом. Ему было плевать, что перед ним стоит беззащитная маленькая девочка.

Для Джина не существовало деления на мужчин, женщин, стариков или детей. Мир делился для него лишь на живых и мертвецов. Разница заключалась лишь в том, сколько усилий нужно приложить для ликвидации.

Почувствовав, как тяжелый взгляд Джина скользит по его шее и груди, оценивая уязвимые точки, А-Эр ощутил, как тело цепенеет от ужаса. Еще немного, и сработает глупый инстинкт опоссума — он просто рухнет в обморок.

Судорожно соображая, как увести разговор в сторону, он спросил:

— Он дорог тебе?

— Заткнись. От твоих слов разит дешевой сентиментальностью, мелкая дрянь, — отрезал Джин.
— Нас не связывает подобная слабость.

А-Эр в теле Харуки продолжал виртуозно топтаться по мозолям будущего палача. Лицо Джина потемнело от гнева; казалось, он вот-вот протянет руку и хладнокровно переломит девчонке шею.

«Дело дрянь», — пронеслось в голове А-Эра.

Когда он уже мысленно попрощался с жизнью и приготовился к провалу миссии из-за собственной глупости, тишину переулка нарушил резкий сигнал мобильного телефона. Джин достал аппарат, быстро пробежал глазами входящее сообщение и смерил А-Эра уничтожающим взглядом.

— Исчезни с глаз моих, мусор, — бросил он.

Сделав шаг вперед, он поравнялся с А-Эром и негромко, с неприкрытым отвращением добавил:

— И запомни: он тебе не брат. Он мой.

С этими словами Джин резко развернулся и растаял в сумерках, смешавшись с бурлящей, кричащей толпой на главной улице.

<http://bllate.org/book/18335/1760524>